

БЛИЖНИЙ ВОСТОК В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Рассматривается начало соперничества великих держав на Ближнем Востоке в изменившихся условиях Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, когда европейские колониальные державы уже не могли самостоятельно противостоять национально-освободительному подъему. Анализируется взаимодействие внутренних проблем и стратегических приоритетов ближневосточных государств в переломные периоды послевоенного десятилетия. Дана оценка детерминантам внешнеполитической стратегии сверхдержав в отношении Ближневосточного региона.

Ключевые слова: ближневосточная политика; советская дипломатия; арабские страны; Израиль; холодная война; Лига арабских государств.

Ближний Восток с его колоссальными нефтяными ресурсами и непревзойденной геостратегической конфигурацией обладал неизменной притягательностью для ведущих мировых держав. Установившаяся в межвоенный период система доминирования Великобритании варьировалась от мандатной Палестины до государств, находящихся под ее протекторатом в регионе Персидского залива. В определенной мере с имперской сферой влияния ассоциировались связанные союзническими соглашениями монархические Египет и Ирак.

Поддерживая американские нефтяные компании в конкурентной борьбе за установление контроля над ресурсами Ближнего Востока, правительство США на протяжении 1930-х гг. выступало также с позиции противника европейского колониализма.

Наметившийся с окончания Второй мировой войны кризис колониальной системы, подъем национально-освободительного движения, эволюция идеи общеарабской консолидации являлись основанием для политической трансформации ближневосточного региона. Тем не менее сфокусированность британской внешней политики на регионе Ближнего Востока не ослабевала. «Объединительным» проектам в ближневосточной политике стали придавать большую значимость. Так, формирование в марте 1945 г. Лиги арабских государств (ЛАГ) позволяло завуалировать колониальную направленность и имперские устремления Великобритании; более того, предполагалось, что политическая разобщенность в рамках Арабской Лиги потребует поддержки со стороны официального Лондона для предотвращения ее распада и тем самым английское влияние будет восстановлено [1. Л. 195].

Биполярное противостояние в условиях начавшейся холодной войны не могло не оказать воздействия на регион Ближнего Востока. Британская гегемония находилась в стадии завершения, и Советский Союз и Соединенные Штаты располагали потенциалом заполнить образовавшийся «вакуум». В послании египетского «Рабочего комитета национального освобождения» И.В. Сталину 28 января 1946 г.: «Для Великобритании невозможно найти законное основание для продления договора 1936 г. после признания другими странами полного суверенитета Египта. Представляя Вашему Превосходительству это требование, надеемся, что Вы используете свое право (ст. 35), чтобы обратить внимание Совета безопасности или

Генеральной Ассамблеи на положение в Египте, угрожающее безопасности в мире» [2. Л. 2–3].

В начале 1946 г. египетская газета «Вафд аль-Мысири», характеризуя политические реалии, писала, что с целью отвлечения масс от национально-освободительного движения Великобритании выдвигает сионизм, но это не единственный инструментарий в ее арсенале. «Муссируется проект “Великой Сирии” для объединения арабских государств со странами, вошедшими в Саабадский пакт в 1937 г., что позволит в дальнейшем планировать создание блока мусульманских государств» [3. Л. 189].

Сокращение вдвое зарубежных поступлений в бюджет (до 120 млн ф. ст.), а также падение экспорта до 60% довоенного уровня, по мнению английского казначейства, подводило страну на грань «финансового Дюнкерка» [4. Р. 294], непосредственно отражаясь на мощи и величии Британской империи. В вопросе целесообразности сохранения британского военного присутствия на Ближнем Востоке аргументация премьер-министра лейбористского правительства К. Эттли в пользу вывода войск не была поддержана Кабинетом министров. Нахождение военных формирований как необходимость ввиду значимости арабской нефти, сохранения морских коммуникаций, предотвращения проникновения в регион Советского Союза и, конечно же, поддержания имперского статуса. При сопоставлении финансовые затраты, сопряженные с содержанием войск, сочли менее обременительными для бюджета, чем осуществление мероприятий по выводу английских войск. Если бы точка зрения К. Эттли возобладала, то послевоенные стерлинговые кризисы носили бы менее затяжной характер.

У. Черчилль, отводивший Суэцкому каналу геостратегическую значимость, полагал, что вне зависимости от подъема освободительного движения в Египте и американской критики «колониализма» египетская территория должна оставаться под британским контролем. Им негативно оценивалась инициатива лейбористского правительства относительно вывода британских войск из Египта весной 1946 г. «Уроки Второй мировой учат – потеря стран Ближнего Востока носила бы катастрофические последствия. Достаточно представить присутствие советских войск на североафриканском побережье, чтобы дать оценку угрозы системе обороны Запада в Восточном Средиземноморье» [5. Л. 448]. И хотя У. Доктер признает, что реа-

лизация имперской политики была подчинена британским стратегическим интересам, принципы, которыми руководствовался У. Черчилль, зачастую были прогрессивней при сопоставлении с ориенталистскими предрассудками многих его современников [6].

Утрата былого могущества «старыми» колониальными державами подталкивала их обращаться за содействием и поддержкой к США, не скомпрометировавшим себя имперским наследием и обладавшим высоким экономическим и военно-политическим потенциалом, внешнеполитической стратегией, которых базировалась на неоколониалистической доктрине.

Как отмечал в мемуарах К. Эттли, «Ближний Восток со своей спецификой являлся районом потенциальной политической и экономической слабости, обеспечивающий заманчивую перспективу для любой державы» [7. Р. 174]. Пассивность американской стороны с уходом англичан исключалась. Второе послание Г. Трумэна К. Эттли по «Палестинскому вопросу» предвещало более пристальный интерес к региону [8. Л. 202].

В Вашингтоне же основную угрозу в претворении своих внешнеполитических приоритетов на Ближнем Востоке видели в распространении коммунистической идеологии [9. С. 31]. Поэтому с целью пресечения «советской экспансии» странам региона Ближнего и Среднего Востока настоятельно «рекомендовалось» вступать в военные альянсы под эгидой держав Запада. В свою очередь, концептуальная доктрина в отношении региона Ближнего Востока, сформулированная еще в 1928 г. на VI конгрессе Коминтерна, стала осуществляться Советским Союзом после 1945 г. как мировой сверхдержавы с колоссальным политическим и стратегическим потенциалом.

Так, находясь в Париже на сессии Совета министров иностранных дел В.М. Молотову египетский посланник во Франции Фахри-паша 9 мая 1946 г. вручил послание короля Фарука I, которое демонстрировало готовность страны пирамид перейти на новый уровень в мировой системе координат. Египетский монарх подчеркивал, что Египет, принявший «участие в войне на стороне своих союзников, не поспешил для обеспечения общей победы» [10. Л. 1]. Выражая уверенность, что главы внешнеполитических ведомств четырех держав предоставят его стране место на Мирной конференции во время дебатов, Фарук I подчеркивал ведущую роль Египта в Арабской лиге, «содействие которой может принести только пользу для Нового мира, контуры которого сейчас вырисовываются» [Там же. Л. 1–2].

Не акцентируя внимания на аргументах, что преуспеть в борьбе с империалистическим блоком возможно лишь руководствуясь коммунистической идеологией, Советский Союз готов был поддержать, не придавая принципиальной значимости социально-политической структуре ближневосточных государств, пытавшихся положить конец гегемонии Запада.

Так, категоричность Москвы в отношении региональной буржуазии сменяется готовностью оказать содействие национальным правительствам в их антиимпериалистической борьбе. Сирийское и ливанское правительства в данном контексте расценивались советской дипломатией как наиболее прогрессивные в

регионе. Чрезвычайный посланник и полномочный министр Сирии в СССР Фарид Зейниддин был принят заместителем министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинским 28 августа 1947 г. в связи с предстоящим вручением верительных грамот Председателю Президиума Верховного Совета СССР [11. Л. 1].

Ливанский парламент в октябре 1947 г. декларировал, что в отличие от мифа о «коммунистической угрозе» реальную опасность в регионе представляют иностранные войска, а также навязанные Западом договоры с целью эксплуатации материальных и людских ресурсов арабских стран [12. Л. 12].

Послание президента Сирийской Республики Хусни Заима, избранного 25 июня 1949 г. Председателем Президиума Верховного Совета СССР, Н.М. Швернику носило позитивный характер: «Прошу Вас быть уверенными, что я приложу все усилия, чтобы поддерживать и укреплять узы дружбы, которые существуют между нашими странами» [13. Л. 10].

Правящая лейбористская партия со своей стороны декларировала готовность выстраивания отношений с ближневосточными странами на основе принципов доверия и сотрудничества. Эрнест Бевин, возглавивший внешнеполитическое ведомство в послевоенном правительстве, предполагал, что становление конструктивных взаимоотношений реализуемо при отходе от устаревших имперских амбиций и выстраивания партнерских взаимоотношений ближневосточными государствами [14. Р. 22].

«Reynold's News», придерживающаяся позиции лейбористской партии, 26 мая 1946 г. характеризовала внешнюю политику консервативного кабинета У. Черчилля в отношении Египта и районов, находящихся в сфере британского влияния, как утратившую актуальность, поскольку лишь при условии военного присутствия Великобритании гарантировалась долгосрочность стабильных позиций. Политика же Э. Бевина, предполагающая замену господства сотрудничеством с крепнущим национальным движением, признавалась конструктивной альтернативой [3. Л. 130].

Э. Бевин 4 июня 1946 г., выступая в парламенте, призывал руководство Советского Союза и Соединенные Штаты признать актуальность поддержания позиций «Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке для мира при условии создания региональной организации, которая войдет в систему безопасности Объединенных Наций» [15. Л. 10]. Парируя столь настоятельное обращение Э. Бевина, египетская королевская миссия в официальном послании главе советского внешнеполитического ведомства В.М. Молотову признавала: «Подобное заявление при нынешнем положении, в котором находятся англо-египетские отношения, вероятно, имеет целью создать атмосферу двусмысленности по поводу благосклонного отношения, проявленного СССР к законным требованиям Египта» [Там же].

Поэтому с подъемом влияния националистических сил в странах региона актуальным вопросом для Лондона стало внесение изменений в англо-египетский договор, заключенный в августе 1936 г., с целью продления гарантий военного присутствия на территории Египта в дальнейшем.

Учитывая политические реалии, генеральный секретарь Лиги арабских государств А. Аззам в сентябре 1946 г. информировал Э. Бевина о готовности Арабской лиги отстаивать в ООН ряд принципиальных вопросов, которые могут повлечь за собой политическую дестабилизацию на Ближнем Востоке, таким образом фактически предостерегая французское правительство о последствиях в случае отказа от эвакуации своих войск из Леванта. Несмотря на упреки в узурпации власти А. Аззамом и непоследовательность, даже оппоненты признавали его настойчивость в достижении цели, которая превышала личные амбиции и ограниченный национализм [16. С. 167]. В Каире готовы были к разрыву дипломатических отношений, предполагая, что и остальные страны ЛАГ поступят подобным образом. На тот период английское правительство было не готово подвергать угрозе взаимоотношения с Египтом, ввиду того что египтяне «держали в руках антибританский хлыст», а Аззам придерживался принципов Арабской лиги [17. Р. 136].

В свою очередь, Э. Бевин, олицетворявший ударную мощь британской политики на Ближнем Востоке, проявлял бескомпромиссность в ключевых вопросах. Отказавшись от введения политических и экономических санкций, подкрепленных военной мощью, лейбористское правительство придерживалось принципиальной политики невмешательства. Тем не менее тактику кабинета К. Эттли невозможно было признать исключительно альтруистичной. Принимая во внимание ослабление британской экономики и ресурсный дефицит, очевидным становилось, что британские избиратели не станут поддерживать затяжное военное противостояние в колониях, а также подавление национально-освободительного движения [14. Р. 24]. Так, признанный в официальных кругах устаревший императив о британском доминировании как исключительно безошибочном предстояло преобразовать в блоковое объединение, основанное на паритете и партнерстве. Цель подобной трансформации была направлена на сохранение за Великобританией статуса великодержавности. Таким образом, парадокс заключался в том, что «принцип невмешательства» становился алгоритмом для поддержания ключевых позиций в глобальной политике новыми средствами. В силу сложившихся экономических факторов финансовая поддержка со стороны США создавала объективную возможность для Великобритании поддерживать хрупкую систему имперского контроля, а также сохранить военную базу в зоне Суэцкого канала. Для придания стабильности экономическим отношениям Лондону следовало проявлять приверженность американской политике и найти компромисс, отказавшись от практики колониального правления [Ibid.].

Зондировалась Лондоном и позиция ряда арабских государственных деятелей в случае переноса основной английской базы из Египта в Восточную Африку. «Радикальный отход от британской политики, насчитывающей более чем вековой опыт» – задача, которую ставило руководство Великобританией, планируя перемещение «центра тяжести имперской обороны в Кению и Танганьiku» [18. Л. 20].

«Tribune» 17 октября 1946 г., выражая свою позицию писала: «Разве единственное, что может пред-

принять английская сторона для возвращения лояльности местного населения, – это покинуть регион. Позиции на Ближнем Востоке, даже без Египта, весьма выгодны как с политической, так и с военной точки зрения. Для баз в Басре, Трансиордании и Палестине реальной угрозы со стороны суши не представляется, если только местное население не объединится с нападающими» [8. Л. 201].

Развернувшаяся на межарабском уровне борьба за лидерство (между монархическими Ираком и Иорданией, националистическими силами Сирии, Ливана, Египта и Саудовской Аравии) усугублялась столкновением интересов Великобритании и Франции, пытавшихся сохранить военно-политические и экономические позиции, с одной стороны, и США, нацеленных на вытеснение европейских колониальных держав с ближневосточного регионального пространства, – с другой. И если правящие Хашимитские династии Ирака и Иордании выказывали приверженность пробританскому курсу, то Египет и Саудовская Аравия в большей степени демонстрировали ориентированность на Вашингтон [19. С. 18–19].

Анализируя генезис американской политики, следует учитывать, что до Второй мировой войны США не владели достаточным опытом адаптации на Ближнем Востоке, столкнувшись с преобладающими позициями Великобритании и Франции в регионе. И если бы американское руководство по-прежнему придерживалось тактики изоляционизма межвоенных лет, то нефть, добываемая американскими компаниями на Аравийском полуострове, представлялась бы коммерческим вопросом, а не стратегической необходимостью мировой державы.

В Вашингтоне, пытаясь нейтрализовать сферу британского влияния, тем не менее, вынуждены были считаться со стабильным присутствием Великобритании в военно-тактической сфере. «Нам же – англичанам, – признавал У. Черчилль, – необходимо с политической предусмотрительностью выстраивать свой курс между двумя сверхдержавами» [8. Л. 189].

Египетский журнал «Аль-Хавадис» 28 ноября 1946 г., четко характеризовал предпринимаемые Лондоном политические маневры как попытку задействовать Арабскую лигу в военно-политической сфере, «но этому противятся Саудовская Аравия и Египет. Осуществляются меры вновь реанимировать проект создания “Великой Сирии”, в качестве мощного регионального блока. Британская дипломатия демонстрирует лояльное отношение Сирии, поддерживая ее кандидатуру в Совете Безопасности с целью создания прочного противовеса СССР за спиной Турции, нейтрализуя, таким образом, Проливы и оберегая “британское” Средиземное море от советского влияния» [Там же. Л. 95].

Начало 1947 г. ознаменовалось выводом последних британских и французских войск с территории Ливана. В Бейруте представители арабских государств приняли участие в мероприятиях, приуроченных празднованию независимости. Сирийские представители придавали участию в ливанских торжествах особую значимость, будучи убежденными в том, что вывод французских войск из Ливана завершает этап

французского присутствия и в Сирии. При этом сирийские политические деятели с сожалением признавали, что цена суверенитета – это отказ их страны от четырех районов в Ливане; с потерей Александретты, Сирия вынуждена будет ориентироваться на порты Бейрута и Триполи [20. Р. 54]. Как компромисс сирийской стороны Ливану позиционировался и сирийско-ливанский таможенный союз. Настрой, царивший в Сирии, столкнулся с оппозицией радикально настроенных ливанских националистов: «В Дамаске должны понять, что мы не готовы получать уроки патриотизма от османских вилайетов, не имеющих территориальных притязаний, особенно в Ливане [21]. Напряженность между Сирией и Ливаном была связана и с послевоенным кризисом, затронувшим обе страны. Половинчатые меры, предпринимаемые Дамаском и Бейрутом, не могли остановить спад в экономике, нуждающейся в эффективных преобразованиях. Активность национальных правительств все более была сконцентрирована на решении текущих локальных проблем. В то время как планы единства сохранялись, вопрос о межарабском сотрудничестве и партнерстве откладывался.

Стремящиеся противостоять расширению сионистской «экспансии» арабские государства демонстрировали солидарность арабского фронта под эгидой Египта в Палестине, поддерживая и антибританский курс Каира. Так, геополитические интересы Запада наталкивались на внешнеполитический потенциал арабского мира, которому были свойственны, по мнению Г.Г. Косача, «многоуровневость, с нечетко различимым центральным звеном и его столь же многослойной периферией» [22. С. 68].

Образование Израиля предопределило многовекторную динамику отношений в регионе. В.М. Молотов в телеграмме израильскому коллеге писал, что создание независимого государства еврейским народом «послужит делу укрепления мира и безопасности на Ближнем Востоке», и выразил уверенность, что дружественные отношения между двумя странами будут успешно развиваться [23. Р. 94]. 15 мая 1948 г. в Москву из Праги пришло послание от представителей еврейской рабочей партии с благодарностью советскому правительству «за моральную и политическую помощь в деле основания самостоятельного еврейского государства. Рабочий класс и весь еврейский народ не забудут Вашу борьбу за справедливое решение палестинского вопроса» [24. Л. 2]. Однако «мусульмане Индии» были «глубоко возмущены признанием государства Израиль, созданного на арабской земле». Президент **Джамиат уль-улама-и Хинд** Гусейн Ахмад, направляя телеграмму В.М. Молотову, признавал советскую позицию неверной «с точки зрения демократии» [11. Л. 8].

Советское руководство, поддерживая Израиль на начальном этапе формирования, предполагало, что это упрочит позиции и в конечном счете приведет к доминированию в этом геополитическом районе Ближнего Востока, в то время как курс западных держав, особенно Великобритании, более тяготел к реализации арабской доктрины [25. Р. 332].

Советский Союз, будучи одной из первых великих держав, установивших дипломатические отношения с

Израилем, взял на себя руководящую миссию более форсированными темпами, чем США. Получили развитие и советско-израильские торговые взаимоотношения. Оказывая содействие становлению государственности Израйля, советская сторона учитывала антикоммунистический настрой правящих кругов Египта, Сирии, Ливана, несмотря на всемерную поддержку социалистических стран на международной арене в вопросе вывода иностранных войск с их территорий.

Как только Советский Союз вышел на ближневосточные «просторы» на Западе, особенно в Соединенных Штатах и Великобритании, стали усиливаться опасения, что коммунистическая идеология распространится во всем регионе. Роль и вклад СССР в формирование нового государства уже вызывали серьезную настороженность. В советских отчетах относительно политических процессов, происходящих в Израиле, в основном затрагивались аспекты внутривнутриполитического развития страны, рабочего движения. В частности, когда 11 мая 1950 г. Исполнительный комитет Всеобщей федерации еврейских трудящихся – Гистадрут, принял резолюцию о выходе из состава Всемирной Федерации профсоюзов, что рассматривалось, как попытка расколоть единство трудящихся на международном уровне и, соответственно, противодействие Советскому Союзу [23. Р. 93]. Подобные перемены, как и правительственный кризис 1948 г. приведший к назначению Бен-Гуриона главой нового правительства, придерживающегося антисоветского, антикоммунистического курса, были связаны, по мнению Коммунистической партии Израйля (КПИ), с американским влиянием на Израиль и дальнейшими планами Вашингтона связать его с политикой западного блока [Ibid. Р. 94]. Генеральный секретарь израильской КПИ С. Микунис, участвуя в дебатах Кнессета, настаивал на проведении новых выборов для обеспечения формирования народного правительства на основе общности интересов в защиту мира, независимости, демократии, равных прав для арабов и потребностей масс [Ibid]. Реорганизация израильской армии и создание военных баз на территории Израйля демонстрировали, что планы Запада в этом районе были направлены на конфронтацию взаимоотношений противоборствующих сторон. Советский Союз же выступал против попытки Соединенных Штатов, Франции и Англии вооружить арабские страны и Израиль, рассматривая это как шаг к нарушению мира в регионе. Когда в мае 1948 г. вспыхнула война между Израилем и арабскими государствами (Египтом, Сирией, Трансиорданией, Саудовской Аравией, Ираком и Ливаном), то последние отстаивали не столько национальные интересы и независимость, сколько право евреев на создание суверенного государства. Решение, принятое американским и британским руководством по Палестинскому вопросу, лежало в основе одной из причин, приведших к военным действиям. Фактором, нарушившим хрупкий мир в регионе, стала и политика некоторых арабских лидеров, подчиненная внешнему влиянию и не отвечающая интересам арабских народов. Правящие монархические династии и политические группировки препятствовали реализации

эффективного взаимодействия на межарабском региональном уровне, а их настороженное критичное отношение к объединению арабского мира во многом определялось влиянием Великобритании и США.

Расценивая Израиль в качестве надежного союзника в регионе Ближнего Востока, США обеспечили новообразованному государству внушительную поддержку в финансовой и военной сферах без подписания официальных соглашений, ратифицированных на высшем политическом уровне. Подобная помощь была обусловлена внутривосточной спецификой – как влияние состоятельной и сплоченной еврейской диаспоры США, ориентированной на всемерное содействие Израилю, и мнение части политического электората, квалифицирующего Израиль в качестве демократического государства, окруженного реакционными арабскими монархиями. Выступая единым фронтом с Великобританией инициаторами формирования военно-политического альянса, в Белом доме полагали, что арабские страны и непосредственно Египет станут действовать в более конструктивном русле, чем конфронтация с Израилем, и в дальнейшем продолжат путь к окончательному мирному урегулированию.

Радикально настроенные арабские лидеры признавали Израиль фактором, дестабилизирующим регион Ближнего Востока. Действенным средством претворения идеи общеарабской консолидации представлялось советскому руководству восстановление «законных прав арабского народа Палестины», фактически – ликвидация «проамериканской сионистской опухоли» в «сердце арабского отечества» [26. С. 37].

Для советской дипломатии признание международного статуса Израиля не привнесло масштабных результатов. Согласно мнению израильского исследователя, планы СССР по укреплению позиций на Ближнем Востоке с ориентацией на Палестину не привнесли ожидаемых результатов ввиду демонстрации Израилем «нейтральной и независимой» политики. Поэтому с завершением арабо-израильской войны 1948–1949 гг. советский маятник раскачивался в направлении арабских стран, главным образом Египта, Сирии, Ливана, с перспективой достичь прочных позиций на Ближнем Востоке.

Так, ближневосточная политика СССР была ориентирована на тот или иной региональный «центр силы», не всегда полностью позиционируемый как просоветский.

Появление на политической карте Ближнего Востока государства Израиль способствовало относительно консолидированным действиям арабских стран. Фактор реальной или эвентуальной угрозы со стороны новообразованного государства создавал дополнительный ресурсный потенциал региональной элите для стабилизации внутривосточного положения в своих странах. Представитель Израиля при ООН А. Эбан 4 ноября 1953 г. на встрече с советским коллегой в Совете Безопасности ООН С.К. Царепкиным отмечал: «Арабская лига разделила функции между членами ЛАГ, цель которых сводится к крушению израильской государственности. Ливан ведет работу, направленную на торговый бойкот Израиля. Сирия старается не допустить осуществления гидро-

технического проекта на р. Иордан. Трансиордания поддерживает непрерывное состояние беспокойства в наиболее уязвимой части израильской границы. Египет вносит свой вклад, препятствуя использованию Суэцкого канала. Совету Безопасности следовало бы вновь призвать арабские государства достичь мирного урегулирования с Израилем на постоянной основе» [27. Л. 13–14].

Срыв планов на создание лояльного межрегионального альянса не ограничился ставкой на ЛАГ. Согласно мнению видного политического деятеля генерала Дж. Глабба, «Объединительная» тактика в ближневосточной политике признавалась кратковременной «панацеей», которая в случае неэффективности заменялась альтернативным проектом [29. Р. 270]. В поисках консолидирующей доктрины британские правящие круги попытались вновь осуществить забытые проекты «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца», мотивированные стремлением пресечь реставрацию влияния Франции в регионе и предотвратить масштабное продвижение Соединенных Штатов в сферу традиционного доминирования Великобритании в регионе Ближнего Востока.

Поскольку с ликвидацией или дискредитацией Лиги не исключалось, что тенденции, распространенные в арабском мире, приобретут религиозно-националистическую направленность, присущую, например, «Братьям-мусульманам», то британские политики, не определив альтернативы в краткосрочной перспективе, продолжали рассматривать Лигу в качестве координирующей силы арабского мира. Кроме того, в Форин-Оффис признавали, что с помощью ЛАГ удавалось в определенной мере осуществлять мониторинг за деятельностью и амбициями Аззама-паши. По мнению британских политиков, действенных средств, координирующих Аззама, применить не представлялось возможным, но «он знал меру, в отличие от экстремистских и ксенофобских элементов, готовых прийти ему на смену» [17. Р. 144].

Вместе с тем эскалация напряженности в регионе усиливалась политикой Соединенных Штатов, пытавшихся глобализовать сдерживание СССР и не допустить получения советской стороной возможности контроля над нефтеносными ресурсами, убеждая лидеров ближневосточных государств присоединиться к военно-политическим блокам, хотя позиции Лондона и Вашингтона не сходились относительно ключевых стран в формируемом ближневосточном военном блоке. Соединенными Штатами муссировался вопрос и о включении в подобные блоки Израиля с целью обеспечения гарантий безопасности последнего, однако это не в полной мере соответствовало принципам арабских политиков, нацеленных на единение арабского мира.

Аудиенция сирийского посланника Ф. Хани и главы МИД СССР В.М. Молотова 27 марта 1955 г. свидетельствует об отпоре, оказываемом Сирией. «Турция стремится вовлечь Сирию в турецко-иракский договор, но Сирии никто не угрожает с Севера, и потому нет необходимости участия в политическом альянсе. Уступить турецкому давлению, не считаясь с общественным мнением, не решилось даже правительство Шишкенли, существовавшее при поддержке

Франции и Англии. Если арабские страны и должны объединиться, то – против Израиля, навязанного арабскому миру англо-саксами» [29. Л. 2–3]. Вину за дестабилизацию обстановки в Газе, «когда Сирия и Египет вели переговоры о создании союза совместно и с Саудовской Аравией, которому предстоит стать противовесом турецко-иракскому пакту», посланник возлагал на Израиль, провоцируемый Западом.

И уже 22 июня 1955 г. в Сан-Франциско министр иностранных дел Сирии Халед эль-Азем в беседе с В.М. Молотовым, оценивая положение на Ближнем и Среднем Востоке, отмечал, что арабские страны разделены на три лагеря. «Ирак стремится к соглашению с западными державами, заключив союз с Турцией и Англией, надеясь вовлечь и Сирию, за которой следуют и другие страны. Сирия, Саудовская Аравия и Египет в стремлении сохранить независимость и свободу дистанцировались от участия в подобных союзах». В Ливане большая часть населения, по словам Х. Азема, против участия в соглашении с западными державами, хотя президент придерживается противоположной позиции. Иордания в силу обеспечения ее армии Великобританией не может проводить антибританский курс, однако с увеличением численности палестинских беженцев в стране усиливаются тенденции поддержания политики, проводимой Египтом [Там же. Л. 4].

Относительно кратковременного периода Х. Азем прогнозировал, что с «заключением союза Сирии, Египта и Саудовской Аравии давление со стороны Турции усилится». Касаясь же турецко-сирийских взаимоотношений, проблематичным сирийский министр признавал лишь старый вопрос об Александриете, являвшейся в то время морской базой США [Там же. Л. 7].

В июле 1955 г. Эр-Риад готов был отказаться от поставок по четвертому пункту американской «программы Трумена», предусматривающей содействие в области сельского хозяйства, транспорта, природных ресурсов. Результатом ответной реакции Сирии, Египта и Саудовской Аравии стало подписание соглашения 27 октября 1955 г. об оборонительном союзе трех стран.

Таким образом, в изменившихся условиях Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений Ближний Восток по-прежнему оставался объектом в большой геополитической игре. И правящие круги Великобритании были полны решимости удерживать позиции, полагая, что решение проблем, связанных с Египтом, Суэцким каналом и Ближним Востоком, в целом заключается в осуществлении эффективных и инициативных действий, а не в договорах [30. С. 104]. Однако начавшаяся Первая арабо-израильская война 1948–1949 гг. отсрочила проблему сохранения британского контроля над зоной Суэцкого канала.

Устремлениям ослабленным войной Великобританией и Францией упрочить позиции на Ближнем Востоке противостояли военный потенциал и экономические ресурсы США. По финансовым соображениям ни в Лондоне, ни в Париже не могли игнорировать предложения, опиравшиеся на мощные ресурсы США, направленные на установление американского

превалирования в регионе. Новым направлением британских интересов должно было стать тесное англо-американское взаимопонимание, кроме того, к 1949 г. косвенное американское влияние уже намного превосходило прямое влияние англичан.

Непосредственно участвуя в процессе становления двух государств на территории Палестины, установив дипломатические отношения с Тель-Авивом в 1948 г., оказав содействие в достижении договоренностей о перемирии и приняв резолюции в отношении беженцев в 1949 г., в Белом доме не выдвигали сверхсложной задачи окончательного урегулирования арабо-израильского противостояния. Приняв эстафету от европейских колониальных держав, Соединенные Штаты как ни одна другая страна сумели добиться существенных преференций и преуспеть в защите своих интересов в регионе.

И если к концу 1940-х гг. СССР удалось нейтрализовать враждебность некоторых районов Ближнего Востока, то в 1950-х можно было признать советское стратегическое присутствие в ряде стран региона. В рамках Доктрины сдерживания, не прибегая к прямому военному противостоянию и контролируя локальные конфликты в периферийных регионах, для поддержания своего рода глобального равновесия сил американской стороной жестко оспаривалось упрочнение позиций СССР [31. Р. 170].

Таким образом, внимание Соединенных Штатов на Ближнем Востоке было сконцентрировано на минимизации распространения просоветского влияния; поддержании безопасности Израиля и обеспечении гарантированного доступа к арабской нефти. Приоритетность поставленных задач, однозначно связываемых с геополитическими интересами США, трансформировалась в зависимости от политической конъюнктуры. С различной степенью обязательств и возможностей американская администрация придерживалась также ориентира на поддержание контактов и с арабскими странами для соблюдения баланса в регионе ввиду опасения, что произраильский курс Вашингтона приведет арабский мир к просоветской ориентации. А затяжной конфликт, в свою очередь, мог обеспечить благоприятные возможности для Советского Союза, стремившегося, по мнению аналитиков госдепартамента, к упрочению влияния за счет реализации оружия и оказания дипломатической поддержки арабским странам.

В целом приоритеты СССР на Ближнем Востоке претерпевали определенные изменения. Тем не менее в Москве пытались определить верного ближневосточного союзника. Вызывающе решительные выпады политических деятелей квалифицировались как проявление неблагонадежности и могли стоить исключения какого-либо государства из блока стран, придерживающихся «социалистической ориентации».

Супердержавы, тем не менее, стремились не допустить перерастания соперничества в прямую конфронтацию. Однако интенсивность советско-американского противоборства на Ближнем Востоке с начала 1950-х гг. не следует недооценивать. Кризисы были относительно незатяжными и нечастыми, ставки же были достаточно высокими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 56 б. Оп. 9. П. 89. Д. 49.
2. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 34. Д. 527.
3. АВП РФ. Ф. 56 б. Оп. 9. П. 89. Д. 48.
4. El-Solh R. Lebanon and Arabism: national identity and state formation. London ; New York : Tauris, 2004. 382 p.
5. АВП РФ. Ф. 56 б. Оп. 1. П. 143. Д. 321. Л. 448.
6. Dockter W. Churchill and the Islamic World: Orientalism, Empire and Diplomacy in the Middle East. London : Tauris, 2015. 376 p.
7. Attley C.R. As it happened. L. : Heinemann, 1954. 312 p.
8. АВП РФ. Ф. 56 б. Оп. 9. П. 89. Д. 50.
9. Васильев А.М. От Ленина до Путина: Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М. : Центрполиграф, 2018. 670 с.
10. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 3. Д. 21.
11. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 46. Д. 625.
12. АВП РФ. Ф. 56 б. Оп. 1. П. 23. Д. 53.
13. АВП РФ. Ф. 128. Оп. 7. П. 4. Д. 10.
14. Louis Wm.R. Britain and the Middle East after 1945 // Diplomacy in the Middle East: The International Relations of Regional and Outside Powers / ed. by L. Carl Brown. London ; New York : Tauris, 2004. P. 21–58.
15. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 34. Д. 523. Л. 10.
16. Coury Ralph. Arabism, Ethnicity and Arab Nationalism: The Case of Abd al-Rahman Azzam // Journal of the American Research Center in Egypt. 1988. Vol. 25. P. 61–70.
17. Louis Wm. The British Empire in the Middle East 1945–1951: Arab Nationalism, the United States and Postwar Imperialism. Oxford : Clarendon Press, 1984. 803 p.
18. АВП РФ. Ф. 56 б. Оп. 9. П. 89. Д. 51. Л. 20.
19. Матвеев И.А. Национальные и общегосударственные слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке. М. : Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. 206 с.
20. Chaitani Y. Post-Colonial Syria and Lebanon: The Decline of Arab Nationalism and the Triumph of the State. London ; New York : I.B. Tauris, 2007. 210 p.
21. Al-Bashir. 1947. January 7.
22. Косач Г.Г. Арабский мир: идентичность и структура геополитического региона // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 53–76.
23. Behbehani Hashim S.H. The Soviet Union and Arab nationalism, 1917–1966. London ; New York : KPI, 1986. 252 p.
24. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 46. Д. 616.
25. Ginat R. Soviet Policy towards the Arab World, 1945–48 // Middle Eastern Studies. L., 1996. Vol. 32, № 4. P. 332.
26. Косач Г.Г. Его звали Вольф Авербух: Как наметились контуры советской политики на Ближнем Востоке // Вестник Евразии. 2008. № 3. С. 9–46.
27. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12 а. П. 41. Д. 105.
28. Glubb J.B. Britain and the Arabs: A Study of Fifty Years 1908–1958. London : Hodder and Stoughton, 1959. 496 p.
29. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14 а. П. 43. Д. 270.
30. Кент Дж. Египетская база и оборона Ближнего Востока, 1945–1954 // Британия и Россия. М. : ИВИ РАН, 1997. С. 90–109.
31. Barker E. Britain in a Divided Europe. 1945–1970. London : Weidenfeld and Nicolson, 1971. 316 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2019 г.

The Middle East in the Conditions of Political Polarisation in the Post-War Decade

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 449, 172–179.

DOI: 10.17223/15617793/449/21

Tsisnamy M. Chikaidze, North Ossetian State Medical Academy of the Russian Ministry of Health (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: tsisnamy@mail.ru

Keywords: Middle East policy; Soviet diplomacy; Arab countries; Israel; Cold War; League of Arab States.

The author aims to examine the political history of the Middle East region through the prism of the critical periods of the post-war decade. The geopolitical component directly exerted impact on the region of the Middle East. In the changed conditions of the post-war period, the Middle East remained the object of confrontation. While England and France inevitably lost influence, the USSR and the USA showed interest in the Middle East region in the context of opposition of the East and the West when advantage of one was reached directly at the expense of the other. The policy realised in relation to the Middle East for both superpowers was represented by expansion of strategic positions in the Cold War. Thus, the United States sought to minimise Soviet influence in the oil-rich Middle East during the period under study. Standing up for the formation of sovereignty and independence of the Middle Eastern states, the American leadership sought to ensure conditions that gave the countries of the region the opportunity to remain in the Western orbit. In the developed political situation when the USSR acted as the opponent of preservation of colonial board of Great Britain and France, the ruling circles of the Arab countries considered the maintenance of a neutral course in the Cold War the most acceptable. However, the American administration regarded commitment to a neutrality as a manifestation of a pro-Communist orientation. As the US foreign policy strategy was not methodical and settled, it caused, in particular, Syria's closer cooperation with the Soviet Union and thus promoted the expansion of the USSR's influence in the region. The priorities of the Soviet Union were also determined by regional imperatives, based on the potential security threat to its southern borders. And, if the United States proceeded from the global vision of the region, the Soviet position was more based on the regional platform. The analysis of archival materials and research literature allows summarising that the policy of each Middle Eastern state was multi-vector. Therefore, any external influence, as well as the course of internal political processes, became mutually interdependent. The research of political evolution of the Middle Eastern states of the post-war period allows revealing and explaining the regularity of many modern processes happening in the Middle East region.

REFERENCES

1. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 56 b. List 9. Folder 89. File 49. (In Russian).
2. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 06. List 8. Folder 34. File 527. (In Russian).

3. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 56 b. List 9. Folder 89. File 48. (In Russian).
4. El-Solh, R. (2004) *Lebanon and Arabism: national identity and state formation*. London; New York: Tauris.
5. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 56 b. List 1. Folder 143. File 321. Page 448. (In Russian).
6. Dockter, W. (2015) *Churchill and the Islamic World: Orientalism, Empire and Diplomacy in the Middle East*. London: Tauris.
7. Attley, C.R. (1954) *As It Happened*. London: Heinemann.
8. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 56 b. List 9. Folder 89. File 50. (In Russian).
9. Vasil'ev, A.M. (2018) *Ot Lenina do Putina: Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke* [From Lenin to Putin: Russia in the Near and Middle East]. Moscow: Tsentrpoligraf.
10. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 06. List 8. Folder 3. File 21. (In Russian).
11. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 06. List 10. Folder 46. File 625. (In Russian).
12. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 56 b. List 1. Folder 23. File 53. (In Russian).
13. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 128. List 7. Folder 4. File 10. (In Russian).
14. Louis, Wm.R. (2004) Britain and the Middle East after 1945. In: Brown, L.C. (ed.) *Diplomacy in the Middle East: The International Relations of Regional and Outside Powers*. London; New York: Tauris. pp. 21–58.
15. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 06. List 8. Folder 34. File 523. Page 10. (In Russian).
16. Coury, R. (1988) Arabian Ethnicity' and Arab Nationalism: The Case of Abd al-Rahman Azzam. *Journal of the American Research Center in Egypt*. 25. pp. 61–70.
17. Louis, Wm.R. (1984) *The British Empire in the Middle East 1945–1951: Arab Nationalism, the United States and Postwar Imperialism*. Oxford: Clarendon Press.
18. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 56 b. List 9. Folder 89. File 51. Page 20. (In Russian).
19. Matveev, I.A. (2004) *Natsional'nye i obshchegosudarstvennye slagaemye politiki Sirii na Blizhnem Vostoke* [National and state]. Moscow: Institute for the Study of Israel and the Middle East.
20. Chaitani, Y. (2007) *Post-Colonial Syria and Lebanon: The Decline of Arab Nationalism and the Triumph of the State*. London; New York: I.B. Tauris.
21. *Al-Bashir*. (1947) January 7.
22. Kosach, G.G. (2012) Arabskiy mir: identichnost' i struktura geopoliticheskogo regiona [The Arab world: identity and structure of the geopolitical region]. In: Seyranyan, B.G. (ed.) *Arabskie strany Zapadnoy Azii i Severnoy Afriki* [Arab countries of West Asia and North Africa]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS. pp. 53–76.
23. Behbehani Hashim, S.H. (1986) *The Soviet Union and Arab nationalism, 1917–1966*. London; New York: KPI.
24. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 06. List 10. Folder 46. File 616. (In Russian).
25. Ginat, R. (1996) Soviet Policy towards the Arab World, 1945–48. *Middle Eastern Studies*. 32 (4).
26. Kosach, G.G. (2008) Ego zvali Vol'f Averbukh: Kak nametilis' kontury sovetskoy politiki na Blizhnem Vostoke [His name was Wolf Averbuch: How the contours of the Soviet policy in the Middle East were outlined]. *Vestnik Evrazii*. 3. pp. 9–46.
27. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 06. List 12 a. Folder 41. File 105. (In Russian).
28. Glubb, J.B. (1959) *Britain and the Arabs: A Study of Fifty Years 1908–1958*. London: Hodder and Stoughton.
29. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund 06. List 14 a. Folder 43. File 270. (In Russian).
30. Kent, J. (1997) Egipetskaya baza i oborona Blizhnego Vostoka, 1945–1954 [Egyptian base and defense of the Middle East, 1945–1954]. Translated from English. In: Trukhanovskiy, V.G. (ed.) *Britaniya i Rossiya* [Britain and Russia]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS. pp. 90–109.
31. Barker, E. (1971) *Britain in a Divided Europe. 1945–1970*. London: Weidenfeld and Nicolson.

Received: 20 February 2019